

Когда Юй Лин толкнул дверь 7-го класса, Гуань Цзюй и Ли Чжичжи как раз заключали пари на то, кто первым заговорит с новым учеником. Янь Ту и Ду Цзюньи тянули жребий, чтобы определить очередь для подкатов к Юй Лину. Ло Шэнь дремал, уткнувшись лицом в парту, Ся Хэнчжи обнимал горшок с хлорофитумом и напевал песню, а Цзянь Сяньян, одновременно с тревожным видом призывая всех к дисциплине и косясь на спящего Ло Шэня, думал о том, что всё пропало — неделя кровопролитного сентября снова наступает...

Переведя взгляд на стоявшего в дверях Юй Лина, все они на мгновение замерли.

В скучной и однообразной жизни старшеклассников появление даже какой-нибудь птицы, случайно залетевшей в класс, способно заставить ребят шуметь целый день — что уж говорить о таком событии, как внезапный перевод к ним ученика-омеги.

Юй Лин стоял на пороге, молча переглядываясь с ними.

— Кхе-кхе, — Юй Лин только что вошёл с распалённой жарой улицы, и в горле немного першило. — Учитель Ван сказал, что завтра пробный экзамен, так что сегодня во второй половине дня уроков не будет. Голос Юй Лина был тиховат, но вполне достаточен для того, чтобы каждый в классе расслышал.

— Понятно, Юй Лин. В тот момент, когда остальные ученики ещё продолжали ошеломленно хлопать глазами, тишину нарушил чей-то голос.

Ребята из 7-го класса уже собирались устроить нагоняй смельчаку, самовольно нарушившему тишину ради разговора, но, обернувшись и увидев, что обладателем голоса оказался школьный красавчик, молча захлопнули рты. Заметив не сошедшую с лица красавчика улыбку, Гуань Цзюй и Ли Чжичжи во все глаза уставились на него, прикрыли рты руками и переглянулись. В глазах друг друга они прочитали одну и ту же мысль: этого парня точно стоит посшибать друг с другом!

Звонок на урок прозвенел.

Вторым уроком шла английский, а вела его у 7-го класса невероятно молодая учительница-омега по имени Вань Нана.

Сегодня Вань Нана была в длинном платье, и Янь Ту тут же выкрикнул:

— Сестрица Нана, а учитель Дэн разве не запрещал вам носить платья? Ха-ха-ха...

Вань Нана прикрыла рот рукой и рассмеялась:

— Вы что это удумали? С каких пор стали сплетничать о делах учителей?

Учитель английского языка Вань Нана и учитель физики Дэн Чанлянь были друзьями детства: перейдя невидимую черту ещё в старшей школе, они к настоящему моменту уже поженились, и у них подрастал трёхлетний малыш. В день церемонии открытия учебного года Вань Нана надела короткую юбку, и ревность Дэна Чанляня едва не затопила весь стадион:

— Дорогая Нана, ты не могла бы носить платья только дома?

Вань Нана:

— Ни за что, красивые платья созданы для того, чтобы ими любовались все вокруг.

Дэн Чанлянь:

— Ладно, теперь всю подготовку я беру на себя.

Вань Нана:

— По рукам!

Дэн Чанлянь:

— Твой счастливый вид заставляет меня чувствовать себя марионеткой, у которой всё расписано по полочкам...

Этот диалог совершенно случайно услышал проходивший мимо староста 7-го класса, так что уже через десять минут о нём знал весь класс. На следующий день, проверяя сданные зимние каникулярные задания, Вань Нана горько улыбнулась, обнаружив, что в графе учитель несколько учеников во главе с Гуань Цзюем написали babynana.

Качество набора учащихся в Первой средней школе и в Школе при институте было примерно равным. В Школе при институте царили строгие порядки, но в Первой средней всегда придерживались политики невмешательства: там никогда не урезали время отдыха учеников, а в первой и второй старших классах вечерняя самоподготовка заканчивалась ровно в девять часов вечера. Все положенные выходные предоставлялись в полном объеме, и тем не менее по успеваемости Первая средняя школа ни в чём не уступала Школе при институте, заставляя многих руководителей последней ломать голову над причинами такого положения дел. Поскольку учебный год начался всего несколько дней назад, а уже на завтра был назначен вступительный экзамен, за которым сразу следовали выходные, Вань Нана не стала давать новый материал и просто повторила вместе с ними грамматику за прошлый семестр.

После жестких тисков режима Школы при институте Юй Лин моментально переключился на беззаботную атмосферу Первой средней школы и ничуть не чувствовал себя неудобно. В конце концов, в прежней школе он жил примерно так же: даже если домашнее задание оставалось недоделанным, он никогда не жертвовал сном ради ночных бдений — разве что ради видеоигр.

На большой перемене Юй Лин включил телефон и заглянул в чат 3-го класса второго года обучения Школы при институте. Одноклассники только сегодня узнали о его переводе и теперь наперебой голосили в группе, гадая, не обидел ли кто Юй Лина, раз тот решился на смену школы. Несколько человек даже отметили его через значок @, заявив, что хотят устроить для него прощальный банкет.

Юй Лин: Большое всем спасибо!

Юй Лин: Но вы можете так сильно по мне не скучать.

Юй Лин: Можете теперь почаще заглядывать в списки лучших учеников Первой средней.

Юй Лин: Ваш батька будет любовно взирать на вас оттуда сверху.

Одноклассники из 3-го класса:

Юй Лин вернулся на главный экран и замер, глядя на несколько красных точек уведомлений в WeChat.

Ло Шэнь смотрел на затылок и белую шею Юй Лина, чувствуя, что в душе накопилось много вопросов — например, когда именно у Юй Лина произошла дифференциация и почему он перевелся? Однако его чуткое сердце подсказывало, что настроение у Юй Лина сейчас далеко не самое лучшее, хотя это открытие почему-то совсем его не порадовало.

— Юй Лин.

Ло Шэнь протянул руку и легко похлопал Юй Лина по плечу. Тот испуганно вздрогнул, торопливо протёр глаза и повернулся к нему:

— Чего тебе?

— Ты плакал? — Ло Шэнь растерянно замер, лихорадочно шаря по сумке в поисках пачки салфеток.

Юй Лин уставился на Ло Шэня своими слегка покрасневшими глазами, наблюдая, как тот роется в рюкзаке:

— Ничего я не плакал, просто прошлой ночью толком не выспался, вот глаза и слезятся. — Юй Лин придержал руку Ло Шэня, уже собиравшуюся вытащить салфетку. — У меня в последнее время вечно так. Врач сказал, что у меня началась поздняя дифференциация, и плохой сон по ночам вкупе с дневной вялостью — это нормальное явление. Через какое-то время всё пройдет.

Ло Шэнь, словно внезапно что-то вспомнив, опустил голову и принялся рыться в кармане форменной кутки. Спустя пару секунд он разжал ладонь перед Юй Лином, и на ней лежало несколько конфеток сливочной сливы.

— Спасибо. — Юй Лин сгреб парочку, сорвал яркую обертку и забросил конфету в рот. Конфета оказалась довольно крупной, и Юй Лин сдвинул ее языком в сторону. Его щеки надулись, взгляд расфокусировался, а уголки глаз покраснели, отчего он выглядел донельзя невинным, вызывая непреодолимое желание хоть немного его подразнить.

— Когда это случилось? — спросил Ло Шэнь.

— Ровно за полмесяца до начала учебного года. В тот вечер я вышел из дома за фруктами, и едва вернувшись, почувствовал неладное: вся квартира пропахла жасмином. Юй Сяое тогда только-только перенесла дифференциацию и еще не умела толком контролировать феромоны, ну и меня в итоге угораздило прийти в охоту. Юй Лин посасал конфету во рту, из-за чего говорил немного невнятно. — В конце концов Юй Сяое сама же и отправила меня в больницу.

Ло Шэнь и Юй Лин много общались в сети. Поначалу Юй Лин просто хотел отблагодарить Ло Шэня за помощь и звал его пообедать, но Ло Шэнь раз за разом ссылался на занятость. Позже они как-то сами собой разговорились в интернете и превратились в самых настоящих односторонне близких друзей по переписке. Правда, если Ло Шэнь прекрасно изучил характер и повадки Юй Лина, то в глазах самого Юй Лина Ло Шэнь оставался интернет-знакомым, который хоть порой и нес всякую чушь, в большинстве случаев все же был парнем надежным.

Вспомнив тот день и перепачканный смесью шока, злорадства и торжества исполненной мечты взгляд Юй Сяое, Юй Лин почувствовал легкое раздражение:

— Ты даже не представляешь! Юй Сяое провожала меня глазами, когда меня грузили в скорую, и на лице у нее было написано такое счастье... Если бы в черте города разрешали запускать фейерверки, спорим, в тот день весь Линьнань озарился бы ее салютами!

Ло Шэнь, разумеется, был наслышан о Юй Сяое, поскольку уже наслушался от Юй Лина жалоб на их с сестрой запутанные, протянувшиеся сквозь время и расстояния любовно-ненавистные отношения. Услышав это, он опустил голову и тихо рассмеялся.

Юй Лин только собрался продолжить возмущаться, как заметил, что Ло Шэнь сидит с поникшей головой, а его плечи мелко дрожат от смеха. Юй Лин мгновенно вспыхнул и, не сдержав голос, выпалил:

— Ло Шэнь, ты смерти моей хочешь?! Мне тут хреново донельзя, а ты ржешь!

— Е-мое, да у кого хватило смелости рявкнуть на Ло-гэ? — Первой мыслью в голове Цзянь Сяньяня стало именно это. Куда больше волнений о том, что думают те девчонки, шептавшие школьный красавчик улыбнулся, его интересовало имя этого храбреца, решившего заложить душу в залог на следующие пятьсот лет.

В тот же миг все до единого ученики 7-го класса повытягивали шеи и уставились на задние ряды.

Стоило Юй Лину сорваться на крик, как он тут же пожалел о содеянном. Это вам не Школа при институте, из всего класса он знал одного лишь Ло Шэня. Но глядя на три десятка лиц с абсолютно одинаковым выражением на физиономиях из серии едим попкорн и ждем зрелищ, Юй Лин подумал, что эта синхронность до боли напоминает сусликов. Черт возьми, да это даже мило.

Под взглядами тридцати человек Юй Лин вдруг звонко фыркнул и рассмеялся.

Ло Шэнь, глядя на то, как Юй Лин сдерживается так, что на глазах наворачиваются слезы, со сплошь залитым неожиданной даже для него самой мягкой нежностью лицом тоже залиvistо рассмеялся.

— Мамочки, да это же небожители! Ну сто процентов небожители! Чжи-чжи, мой новый пейринг получил путевку в жизнь!

Хотя Гуань Цзюй вцепилась в руку Ли Чжичжи так крепко, что казалось, вот-вот вырвет кусок мяса с ладони, та казалось совершенно невосприимчивой к боли. Она лишь во все глаза смотрела в конец класса и отчаянно кивала:

— Угу!

Староста покачал головой, думая про себя: да они совсем рехнулись — мало того, что посмели шипперить пейринг с самим Ло-гэ, так еще и жить, видимо, до смерти надоело.

Пронзительный визг сидевшей перед Цзянь Сяньянем Гуань Цзюй вернул его к реальности, и в следующее мгновение он с ужасом увидел то, что по его твердому убеждению могло привести к немедленной кончине от пары лишних слов и к замерзанию до ледяной колыбели от одного косого взгляда. Недостигаемый школьный красавчик Ло Шэнь протянул руку и ласково потрепал этого самого безумного храбреца по волосам, а его голос звучал мягко, словно весенняя морось:

— Тихо, не смейся так сильно, а то живот заболит.

Цзянь Сяньянь: Мамочки, да это же небожители! Ну сто процентов небожители!

Убежденный холостяк

Шлеп!

Юй Лин отвесил Ло Шэню звонкую затрещину по предплечью:

— Не трогай мои волосы, облысею.

Ло Шэнь отдернул руку и принялся растирать покрасневшее от удара место, горько улыбаясь:

— С чего ты взял?

— Линь Цин сказал, — Юй Лин несколько раз моргнул своими влажными глазами. — Тот самый парень, про которого я тебе рассказывал — который поклялся охватить вниманием всю Поднебесную, а в итоге сам стал омегой.

Что бы ни говорил Юй Лин, Ло Шэнь неизменно смотрел на него взглядом, полным улыбчивой нежности. Однако стоило Юй Лину завести речь о своих друзьях детства, как на сердце у Ло Шэня словно вырастало несколько кирпичных стен — в особенности когда Юй Лин упоминал Цзянь Ляня. Мужская интуиция у альф всегда работала безотказно, особенно в отношении соперников по биологическому виду.

— А ты?— Я? — Юй Лин вспомнил сцену, которую видел в самом-самом раннем детстве. По логике вещей, у маленьких детей память ограничена, но Юй Лин почему-то отчётливо запечатлел ту картину. И хотя сейчас он уже не мог вспомнить, как выглядело лицо Лу Юйчэна, жестокость, с которой тот тогда действовал, врезалась в его память на редкость чётко.

В глазах Юй Лина промелькнула тень мрачности и самоиронии, он равнодушно усмехнулся:

— Это я.

Улыбка Юй Лина кольнула Ло Шэня, его сердце будто пронзила иголка. В груди всколыхнулось непреодолимое желание протянуть руку, обнять Юй Лина и растворить мрачность в его глазах внутри собственного тела — такой лучезарный юноша должен всю жизнь беззаботно и гордо идти вперёд.

Ло Шэнь сдержался, ведь у него пока не было на это права.

— Юй Лин! К тебе пришли!

Голос Гуань Цзюй нарушил тишину в углу.

Юй Лин вытянул шею и выглянул в коридор, примерно догадываясь, кто там стоит. Ему совсем не хотелось выходить, но, посомневавшись немного, он всё же зашагал к выходу из класса, делая вид, что ему всё нипочём.

Взгляд Ло Шэня мелькнул, он с непроницаемым выражением лица проводил взглядом спину

Юй Лина.

Заметив, что Юй Лин ушёл, Ся Хэнчжи тут же схватил учебник и шмыгнул на место Юй Лина, торопливо перелистывая страницы:

— Брат Ло! Быстрее! Какое там домашнее задание вчера задал этот дракон? Я вчера весь вечер проиграл в игры и понятия не имею, станет ли он сегодня проверять.

Ло Шэнь швырнул учебник Ся Хэнчжи:

— 22-я страница, третья задача. Взял и отвали!

Нечего расслаиваться на месте Юй Лина.

— Тц-тц-тц, — Ся Хэнчжи поймал книгу и, переписывая условие, принялся возмущаться:

— Брат Ло, нельзя ли помягче? Ладно со мной, но ты ведь и со всеми этими омегами ведёшь себя ледяным айсбергом. Дай-ка подсчитай: от поклонников и поклонниц, которых ты распугал в одной только Первой средней школе, можно в два круга выстроить цепочку вокруг школьного стадиона...

Ло Шэнь бросил на Ся Хэнчжи косой взгляд:

— Ну да, куда уж мне до тебя. Дай-ка я тоже посчитаю: расстояние, которое ты пробежал за Ху Лу, должно хватить на два оборота вокруг Земли...

Ся Хэнчжи подавился воздухом, зажал в пальцах ручку и, нахмурившись, жалобно уставился на Ло Шэня:

— Брат Ло, ты жесток. Разве я больше не тот несравненный альфа, которого ты бережёшь как зеницу ока? Разве я больше не твой друг детства, с которым мы выросли вместе как братья?

Ло Шэнь усмехнулся, приподняв бровь:

— У тебя в голове одни черви завелись? Не переписываешь — возвращай.

— ...Переписываю!

— Тогда возвращайся на своё место.

— С чего это вдруг?

— У Юй Лина брезгливость.

— ...Брат, я ведь не после туалета руки не помыл...

— ...

Едва Юй Лин вышел из класса, как кто-то грубо схватил его за руку и потащил за собой.— Линь Цин, куда ты меня тащишь? — Юй Лин лениво плелся следом, позволяя Линь Цину тянуть себя за руку. Шаги у него были куда короче, чем у Линь Цина, и со стороны казалось, будто его волокут волоком.

Ученики из разных классов, сновавшие туда-сюда, сперва замирали, глядя на эту парочку, напоминающую выгуливание собаки. Но стоило им заметить нахмуренного и мрачного Линь Цина впереди, как они тут же спешно расступались. А когда следом за ним они видели вяло плетущегося Юй Лина, толпа мгновенно ощущала приближение весны — несколько омег даже начали подбивать друг друга раздобыть контакты Юй Лина.

Линь Цин остановился в малолюдном коридоре, резко обернулся и пристально, с суровым выражением лица посмотрел на Юй Лина:

— Это из-за Цзян Ляня? Хотя Юй Лин и вспыхивал от малейшей искры, его популярность в Присоединенной школе была на удивление высокой. Большинство его одноклассников прошли через дифференциацию еще в средней школе, поэтому Юй Лин искренне полагал, что в этой жизни так и останется бетой, и даже тайком радовался этому долгое время. Накануне начала учебного года, вечером, Юй Лин попал под дождь, а проснувшись на следующий день, обнаружил, что у него поднялась температура и голова тяжелая, словно к ней привязали десяток с лишним килограммов песка. К несчастью, Юй Лин подумал, что такое состояние вызвано именно дифференциацией, и в итоге во время торжественной линейки на спортивной площадке не смог сдержать феромоны, отчего альфы и омеги Присоединенной школы в той или иной степени пострадали от его влияния. На следующий день, когда Юй Лин пришел на занятия, группа одноклассников, с которыми он обычно на равных дурачился, заблокировала его у входа в класс и покраснев выпалила: Юй Лин, ты мне очень нравишься, если ты тоже хочешь завести романтические отношения, пожалуйста, выбери меня...

От испуга Юй Лин чуть не вырвал свой завтрак.

Услышав об этой истории, Цзян Лянь внезапно почувствовал страшную угрозу со всех сторон, поэтому по дороге домой после уроков он схватил Юй Лин, катившего велосипед, внезапно заключил его в медвежьи объятия, намертво обвив руками со всех сторон, и прямо так признался ему в чувствах.

Тогда Юй Лин вытаращил глаза и врезал Цзян Ляню кулаком, а пока тот еще не успел опомниться, в два-три шага вскочил на велосипед и удрал быстрее ветра.

Под пристальным взглядом Линь Цина у Юй Лина защемило в сердце, и он не знал, как подобрать слова: Да... не совсем из-за него...

Цзян Лянь обидел тебя??? Черт возьми, этот проклятый ублюдок еще пару дней назад клялся мне, что будет хорошо о тебе заботиться.

Глядя на то, как Линь Цин негодует и пылает праведным гневом, Юй Лин подумал про себя:

если уж меня называют маленькой петардой Присоединенной школы, то Линь Цин, которого в Первой средней школе держит в ежовых рукавицах родная тетушка, — будь он в Присоединенной школе, мне пришлось бы уступить ему свое место и сложить полномочия; да Линь Цин ведь настоящее реактивное оружие, не так ли? Он не обижал меня, и в Аффилированной школе никто не смеет меня обижать, просто мне как-то не по себе. Я не могу любить Цзян Ляня, но и терять этого дру... — Юй Лин замолчал, прищурившись глядя на Линь Цина. — В смысле — он пару дней назад тебе пообещал, что будет заботиться обо мне? Ах ты, Линь Цин, вы что это тут за спиной у меня затеваете, какие тайные планы строите?

Линь Цин поджал губы: раз уж зашло так далеко, скрывать больше не имело смысла.

— Когда мы в шестом классе впервые познакомились, и ты нас представил, я сразу понял, что ты ему нравишься. Когда этот Цзян Лянь находился рядом с тобой, он выгляделшим абсолютным дурачком, который только на тебя одного и пялился с глупой улыбкой. Это ты от рождения лишен пары извилин и столько лет думал, будто Цзян Лянь мечтает заключить с тобой побратимство в Персиковом саду?

Юй Лин испытал настоящий шок: выходит, Цзян Лянь с самой начальной школы только и мечтал, чтобы у них были крылья птиц-неразлучников в небе и ветви единого дерева на земле?

И этот поганец Линь Цин сам же толкал его прямо в объятия Цзян Ляня?

ТЬфу! Юй Лин чувствовал себя обиженным.

Уж в конце концов предали-то меня.

— Юй Лин-Лин! Эх! — Линь Цин смотрел на Юй Лина, который опустил голову, молча развернулся и зашагал прочь, и был донельзя удручен. Он всего лишь попросил Цзян Ляня приглядывать за Юй Лином в Аффилированной школе, к тому же Юй Лин только что пережил дифференциацию, и Линь Цин был бы спокойнее, зная, что рядом есть кто-то, кому он доверяет. Кто же знал, что Цзян Лянь окажется настолько несдержанным и, прекрасно зная, какова ситуация в семье Юй Лина, возьмет и с бухты-барахты признается ему в чувствах.

— Эх, да что ж за напасти такие...

Дракон был учителем математики в 7-м классе, звали его Ван Чэнъянь, а прозвище Дракон родилось из шутки Учителя Вана.

Ван Чэнъянь вел уроки как душа пожелает: иногда он мог потратить полчаса на обсуждение с учениками какой-нибудь серьезной социальной проблемы, а иногда за один урок успевал разобрать половину учебника. Весь урок он не поддерживал с учениками никакого зрительного контакта, но такой стиль преподавания идеально подходил для классов А-уровня вроде 7-го: никакой волокиты и лишних слов.

Однажды на уроке словесности Учитель Ван посмотрел на оставленную Ван Чэнъянем с прошлого урока математики запись на классной доске. Там красовалось всего два слова: отображение. И то лишь потому, что пришла с проверкой школьная верхушка, и Заведующий Чжан настоятельно этого потребовал. Учитель Ван, вооружившись губкой для доски, заговорил с учениками о Ван Чэнъяне: мол, этот ваш учитель Ван прямо как дракон, махнет хвостом — и ученики в полном ступоре. Семиклассники подумали, что это невероятно точное сравнение, ну просто в яблочко, и так на свет появилось прозвище Дракон.

Ван Чэнъянь стоял на возвышении у доски с совершенно невозмутимым выражением лица, уставившись в потолок в задней части класса.

— На этом уроке мы сначала разберем тот листок с заданиями, который вам выдали в самом начале учебного года. Вопрос первый: А — неверно, Б — неверно, В — тоже неверно, так что выбираем Г, тут и обсуждать нечего...

Седьмой класс уже привык к манере Ван Чэнъяня разбирать задачи. Обычно он подробно и обстоятельно объяснял лишь те задания, которые, по его мнению, ученики вообще не должны были решить сами. Если кто-то отвлекся и недопонял, он объяснял еще раз, максимум дважды. Если же человек все равно не улавливал суть, Ван Чэнъянь отводил взгляд от потолка и устремлял его прямо на непонимающего: После урока зайди ко мне в кабинет, я объясню тебе еще раз, а сейчас давайте не будем тратить чужое время. Хорошо, вот так, переходим к следующему вопросу...

С тех пор ученики 7-го класса больше никогда не смели витать в облаках на уроках математики.

Юй Лин с самого входа в класс положил подбородок на парту, отклячив зад на стуле, и безучастно теребил двумя руками выданный старостой математического кружка листок с заданиями. Его глаза медленно двигались вслед за тем, как Дракон продвигался по варианту: когда Дракон дошел до последней задачи с выбором ответа, взгляд Юй Лина на мгновение прояснился, когда дошел до последнего задания с открытым ответом — прояснился снова, а после он вновь уставился на контрольную работу пустым взглядом.

Ло Шэнь же все это время не сводил глаз с Юй Лина. В ушах звучали шорохи переворачиваемых одноклассниками страниц и голос Ван Чэнъяня — эта задача слишком простая, объяснять не буду, следующая, эта тоже элементарная, пропускаем..., но в поле его зрения существовал только один Юй Лин.

Оба урока подряд Юй Лин провел в подавленном состоянии. На перемене он открыл чат [Трое мушкетеров из Линьнаня], и его палец очень долго замер на строке с красным шрифтом «Удалить и выйти», но так и не смог на нее нажать.

Дело было вовсе не в том, что ему претила сама мысль о том, что Цзян Лянь в него влюблен, и он не особо сердился на Линь Цин за этот его поступок в стиле «поручения сироты при Байдичэне» и «продажи друга». Просто стоило ему вспомнить те неудачные отношения Юй

Вань и Лу Юйчэна, вспомнить, что в отношениях между альфой и омегой доминирующую роль всегда играет альфа, вспомнить ту картину, где Юй Вань, прижимая руку к животу, умоляла Лу Юйчэна пощадить Юй Сяое, бывшую тогда еще лишь плодом в утробе, — как горло словно сжимало спазмом, и становилось невыносимо тяжело.

Но он действительно не любил Цзян Ляня, и потому совершенно не представлял, как теперь с ним держаться.

<http://bllate.org/book/21544/2215623>